

ОТЗЫВ
официального оппонента доктора исторических наук
Малышевой Светланы Юрьевны
на диссертацию Годунова Константина Валерьевича
«Праздник 7 ноября в политической жизни Советской России
эпохи гражданской войны (1918 – 1920 гг.)»,
представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук
по специальности 07.00.02 – Отечественная история

Диссертационное исследование К.В.Годунова посвящено истории политической инструментализации в годы гражданской войны главного праздника Советской России – годовщины Октябрьской революции. Научную актуальность исследованию придает тот факт, что, несмотря на долгую историю изучения советских праздников, ракурс и аспекты изучения, избранные диссертантом, до сих пор не становились предметом специального рассмотрения.

Диссертация написана на солидной базе разнообразных источников, причем, значительная их часть – неопубликованные документы, извлеченные диссертантом из 21 фонда шести федеральных и региональных архивов. Кроме того, в работе привлечены почти два десятка периодических изданий, более 30 наименований сборников, подборок источников других видов. В Приложении к работе даны также некоторые визуальные источники, призванные проиллюстрировать отдельные положения диссертации. Следует отметить скрупулезную и вдумчивую источниковедческую работу диссертанта, весьма профессиональные суждения о соотношении внешнего и внутреннего содержания источника, о специфике языка источников и тенденциях складывания дискурса, о соотношении вариантов источников. Диссертант демонстрирует и хорошее знакомство с основными положениями и выводами научной литературы по истории советских праздников – как отечественной, так и зарубежной.

Автор в своем исследовании задался целью рассмотреть процесс складывания праздничной традиции в политическом контексте гражданской войны и воздействия самого праздника на политическую ситуацию (С. 20). Путями реализации этой цели стало изучение общего и особенного в праздновании годовщины Октября в столичных и в одном из губернских городов на протяжении трех лет (Глава 1), а также рассмотрение контекстуализации этого празднования в политические реалии, манипуляционных технологий, игр политических интересов, развернувшихся в ходе подготовки и проведения празднований (Глава 2).

В главе первой К.В.Годунов на основе архивных документов весьма подробно реконструирует ход подготовки и проведения праздника годовщины Октябрьской

революции в Москве, Петрограде и Петрозаводске. Автор уделяет особенное внимание выяснению вопроса о том, какими функциями в эти годы наделяли праздник большевики, какими они планировали эти праздники и насколько эти планы были реализованы на практике. Рассматривается и ряд вопросов организации праздников, принципиально важных для понимания не только процессов формирования праздничной традиции, но и для понимания механизмов складывания конфигурации власти на всех уровнях.

Скажем, автор замечает, что в то время как известное постановление ВЦИК о праздновании 7 ноября 1918 г. годовщины Октября по предложению Я.М.Свердлова было принято 16 сентября 1918 г., подготовка к празднованию началась задолго, за несколько недель до этого (С. 29). Это обстоятельство наводит на мысль, что сложившийся с 1920 г. порядок организации празднований – когда решение о подготовке празднования и о формировании и составе праздничной комиссии принималось в ЦК РКП(б), а советским органам (ВЦИК) предоставлялось (для «соблюдения советской легитимности») «провести» это решение от своего имени в печати, - действовал уже и в 1918 г. И, вероятно, секрет заблаговременной подготовки еще не объявленного празднования – в существовании соответствующего партийного решения. Возможно, автору стоило бы уделить больше внимания и специально акцентировать вопрос об инициаторе и инициативном документе празднований 1918-1920 гг. (в качестве таковых упоминаются постановление ВЦИК (1918), сентябрьское постановление СНК (1919), октябрьское постановление ЦК РКП (1920)).

Вопрос о распределении власти явно просвечивает и сквозь описываемый в диссертации частный, казалось бы, вопрос об организации шествий. На с. 42 автор пишет о настойчивом желании профсоюза железнодорожников в Москве составить отдельную колонну и о решении Маршрутной комиссии организовывать шествие порайонно, а на с. 60 – об оригинальном решении в петроградском проекте Н.М.Анцеловича: в первый день шествие организуется порайонно, во второй день – по профсоюзам. Дело в том, что вплоть до 1927 г. в провинции, а отчасти – и в столицах, сбор трудящихся на демонстрации осуществлялся преимущественно по профсоюзам. Организация с 1927 г. колонн порайонно снизила роль профсоюзов, как «конструкторов» демонстраций и шествий, и усилила значение райкомов партии. Как видим, однако, вопрос этот ставился и беспокоил профсоюзы уже в 1918 г.

Говоря о праздновании первой годовщины в Петрограде, о спорах организаторов о том, с какими чувствами следует вспоминать Октябрь (С. 54), о культуре траура (С. 83), об отсутствии в первые годы сильных эмоций среди празднующих (С. 85), К.В.Годунов затрагивает важную и актуальную проблему, связанную с социально-политической ролью

эмоций, с формированием эмоциональной нормы и конструированием советского эмоционального режима.

Анализируя опыт празднований 1918-1920 гг., К.В.Годунов приходит к выводу о множественности функций, которыми его наделяли организаторы, об отсутствии «единой определяющей функции» праздника в 1918 г. и о некоторой редуцированности многофункциональности, но при этом ее сохранении, в 1919-1920 гг. (С. 101). Эту многофункциональность праздника автор справедливо связывает с «противоречиями среди различных групп организаторов торжеств» и со «стремлением вовлечь в празднование различные группы населения».

Во второй главе, позиционируя праздник, как важный элемент формирования «сферы политического», К.В.Годунов рассматривает его как пространство сакрализации революции, репрезентации образов вождей и врагов революции, а также место дебатов с левыми оппонентами большевиков. Говоря о попытках большевиков «перенести эйфоричную эмоциональную атмосферу» (С. 108), пасхальную атмосферу спонтанных праздников 1917 г. на годовщины Октябрьской революции, а ореол «священной» войны – с Первой мировой на гражданскую войну, автор верно указывает, что в той политической ситуации это вызывало не столько пасхальные настроения, сколько актуализировало метафоры крестного пути и Голгофы, активно используемые не только самими большевиками, но и их противниками. По большому счету, и те, и другие, как бы ни относились к религии, вынуждены были прибегать к религиозной/квазирелигиозной христианской риторике, как к единственному универсальному и общепонятному в контексте российской культуры средству сакрализации.

Полагаю, что автор не совсем прав, заявляя, что исследователи обходили вниманием факт, что в эти первые советские празднования Ленин был основным, но не единственным объектом визуализации (С. 128). На этот факт неоднократно указывали исследователи советских празднеств, а, скажем, Дж. фон Гельдерн подчеркивал условность, «гибридность» фигуры вождя в инсценировках в праздновании 1920 г., сочетание в ней черт сразу нескольких реальных руководителей революции. Справедливо подчеркивали исследователи и тот факт, что в годы гражданской войны еще вряд ли стоит говорить о сформировании полноценного культа вождя – речь шла только о его предпосылках и отдельных чертах. Так, культ Ленина складывается только после его смерти (О.Великанова, Б.Эннкер). Так что в заочной полемике автора диссертации и Я.Плампера я склоняюсь более к точке зрения последнего. В то же время анализ К.В.Годуновым различных комбинаций иерархии «вождей» в 200 приветственных праздничных телеграммах,

представляется весьма интересным и значимым для понимания восприятия образов и политического веса большевистских вождей населением страны.

Весьма важным представляется рассмотрение К.В.Годуновым в разделе об образах врагов того, как в праздничных материалах дебатировалась проблема красного террора, его совместимости с праздником, как террор интерпретировался в сакральном пространстве праздника. В частности, речь идет и о полемике Д.Б.Рязанова и Г.Е.Зиновьева. В этом разделе, а также в разделе об отношении к празднику Октября левых оппонентов большевиков автор наглядно демонстрирует, что праздник воспринимался теми и другими как значимый ресурс для продвижения или дискредитации тех или иных политических решений и акций, для монополизации и перекодирования большевиками общего наследия российского левого революционного движения либо для протестов их оппонентов по этому поводу. К.В.Годунов верно отмечает не только интегрирующую политическую функцию праздника Октября, призванного сплотить трудящихся вокруг новой власти, но и его дезинтегрирующую функцию исключения из празднования различных политических и социальных групп (С. 205).

Следует согласиться и с выводом автора, ставящим под сомнение тезис об исключительном конструировании советского праздника «сверху», и констатирующим наличие целого ряда акторов в этом процессе. Действительно, в условиях несформировавшегося до конца административно-командного механизма и слабого развития средств связи и коммуникаций, ограниченных финансовых ресурсов (так, в главе 1 на примере празднования в Петрозаводске автор весьма наглядно показывает, как усилия по трансляции праздничных сценариев из столиц в провинцию сталкивались с проблемой отсутствия ресурсов для их реализации), вызывает удивление в целом довольно единообразное проведение празднеств и единообразие их форм. Причем, это касается не только рассмотренных столиц и Петрозаводска, но и намного более удаленных местностей. И это «неуправляемое единообразие», в какой-то степени, опровергает мнение о создании советского праздника исключительно «сверху». К.В.Годунов верно указывает, что большевикам приходилось «взаимодействовать с традициями» (С. 206), добавим – и с творческими представлениями художественного авангарда и креативными усилиями представителей «из народа», при всех их различиях также в целом не выпадавшими из общего культурного контекста. Видимо, во многом поэтому довольно разнообразные конфигурации действующих лиц процесса конструирования советских празднеств в разных городах давали весьма похожие результаты.

Разумеется, в исследовании помимо дискуссионных точек, есть ряд моментов, которые вызывают возражение. Прежде всего, в работе никак не аргументируется выбор в качестве примера губернского города – Петрозаводска. Если выбор столиц и сравнение празднований в них вполне понятны, то почему, по каким критериям был избран для рассмотрения именно Петрозаводск? Избран ли он был в качестве типичного губернского города, и почему именно он, и как производились сравнение и выборка? Или, напротив, Петрозаводск был избран в качестве губернского центра, празднования в котором имели отличия от других губернских центров, и чем именно они отличались? Эти вопросы в диссертации остались без ответа.

Не могу согласиться и с данной в заключении оценкой соотношения изучения культурных и политических аспектов в историографии праздников. Автор утверждает, что «Феномен раннесоветского праздника чаще всего исследовался в рамках истории культуры и искусства. В центре внимания находилась культурная политика большевиков и их сторонников (в особенности – усилия представителей авангарда по украшению праздничных городов)» (С. 206). В таком узко-культурном ракурсе раннесоветский праздник рассматривался разве что в некоторых советских работах 1970-х-1980-х гг., посвященных искусству Октября. Даже работа А.И.Мазаева 1978 г. не ограничивалась этими аспектами, автор довольно смело писал о политических формах празднеств, их политической мифологии, о праздниках, как части агитационно-пропагандистской политики большевиков, даже отчасти - об использовании ими полит-технологий («эффекта эмоционального заражения» толпы). Что же касается зарубежной историографии, она, начиная с 1920-х гг., с исследований Р.Фюлепа-Миллера и до современности, рассматривала советский праздник как часть политики властвования большевиков. Другое дело, что те аспекты борьбы за власть и политической полемики с левыми оппонентами, которые исследует диссертант, действительно, в литературе практически не изучались.

Наконец, еще одно замечание технического характера. К сожалению, указывая в списке источников номера и наименования архивных фондов, автор не дал информации об использованных им единицах хранения, что обычно является составной частью описания источниковой базы в этом списке и дает возможность судить об объеме и характере привлеченных неопубликованных источников.

Однако указанные замечания отнюдь не снижают научной значимости диссертации. Диссертационная работа К.В.Годунова представляет собой оригинальное и самостоятельное, основанное на продуманной репрезентативной источниковой базе и скрупулезном изучении источников, законченное исследование на актуальную научную

тему, а выводы работы обоснованы, интересны, заслуживают внимания специалистов и наверняка будут востребованы в трудах по политической и культурной истории России. Положения диссертации полностью отражены как в автореферате, так и в 11 публикациях автора, в том числе в пяти статьях в изданиях, рекомендованных ВАК. Диссертация К.В.Годунова соответствует всем требованиям, предъявляемым к квалификационным работам действующим «Положением о присуждении ученых степеней» (пункты 9–14).

На основании вышеизложенного, считаю, что Годунов Константин Валерьевич заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история.

Официальный оппонент,
доктор исторических наук
(отрасль науки: 07.00.09 – Историография, источниковедение
и методы исторического исследования),
профессор кафедры отечественной истории
Института международных отношений,
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский)
федеральный университет»

Светлана Юрьевна Малышева

Почтовый адрес организации: 420008
ул. Кремлевская, д.18,
г. Казань
тел.: (843) 233-71-09, 221-34-39,
public.mail@kpfu.ru

Список основных публикаций по теме диссертации:

1. Mass Urban Festivals in the Era of War and Revolution, 1914–22 // Russian Culture in War and Revolution, 1914-1922. Book 2: Political Culture, Identities, Mentalities, and Memory. Murray Frame, Boris Kolonitskii, Steven G. Marks, and Melissa K. Stockdale, eds. Bloomington, IN: Slavica Publishers, 2014, pp. 99-120.
2. *Der rote Thanatos: Nekrosymbolismus in der sowjetischen Kultur // Jahrbuch für Historische Kommunismusforschung* 2015. Berlin, Metropol Verlag, 2015. S. 181-198.
3. Helden oder Blutopfer: Der Umgang der Zeitgenossen mit den Gefallenen des Ersten Weltkriegs in Russland=Heroes or Victims of a „Bloody Tribute“? How Contemporaries Viewed at the Dead of the First World War and Rationalised their Death // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2015. Bd. 63. Hf. 4. S. 599-618.
4. Врезано в камень, врезано в память: (вос)производство советской идентичности в пространствах смерти=Set in Stone, Set in Memory: (re)production of the Soviet identity in the spaces of death // *Диалог со временем*. Вып. 54. Специальный выпуск. Национальная идентичность и феномен исторической памяти. М.: ИВИ, 2016. С. 181-206.
5. *Красный Танатос: некросимволизм советской культуры // Археология русской смерти*. М., 2016. № 2. С. 22-46.
6. «Братские могилы» и «вражеские могильники»: символическое означивание массовых захоронений в Советской России / СССР 1920-х – 1940-х годов=“Mass Graves” and the “Burial Grounds of Enemies”: The Symbolic Significance of Mass Burials in Soviet Russia/USSR, 1920s–1940s // *The Soviet and Post-Soviet Review*. Leiden: Brill, 2017. Vol. 44. N 3. P. 233-263.
7. *Tod in Rot: Bestattungsriten in Russland nach der Revolution=[Dead in Red:] Funereal Rites in Russia after The Revolution // Osteuropa*. Berlin, 2017. Jg. 67. N 6-8. S. 437-447.
8. *The Russian Revolution and the Instrumentalization of Death // Slavic Review*. Cambridge: Cambridge University press. 2017. Vol. 76. Issue 3. P. 647-654.
9. «Хорошая смерть» в некрологическом дискурсе первых советских десятилетий // *Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований*: Сб. науч. тр. / под ред. О. В. Горбачева, Л. Н. Мазур. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. С. 103-110.
10. *Повседневная жизнь советского провинциального города: казус Казани: учебное пособие*. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018. 282 с. (16,39 п.л.) (в соавт. с А.А.Сальниковой).